

Александр Куприн

ИСКУШЕНИЕ

Москва
T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К92

Куприн, А.

К92 Искушение / А. Куприн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 100 с. — (Модное чтение).

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — известный русский писатель, творчеству которого присущ активный, действующий гуманизм, пламенная любовь к природе и человеку.

«Искушение» — прекрасный сборник рассказов и повестей писателя, среди которых: «Бедный принц», «О пуделе», «В трамвае», «Искушение» и многие другие. Отличающиеся глубоким психологизмом и неповторимыми сюжетами, произведения настоящего мастера литературы оставят неизгладимый след в душе каждого читателя.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77987-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

О пуделе	5
В Крыму (Меджид)	9
Бедный принц	21
В трамвае	33
По-семейному	43
Леночка	53
Искушение	69

О ПУДЕЛЕ

У меня в доме теперь живет черный кобель пудель. Его зовут Негодяй. Так его прозвали вовсе не для того, чтобы оскорбить его собачье достоинство. А просто в то время, когда у него чесались зубы, он грыз ножки столов и стульев, жевал разные любимые портреты и возвращал их в замусленном и гнусном виде, врывался, как бешеный, в курятник домовладелицы, и выгонял оттуда всех кур, и громко кричал на них; от этого они носились по двору, кудахтали и роняли перья.

Однажды он вконец испортил нам любимый фикус.

Однажды во время домашнего маленького концерта он влетел в комнату и так скверно начал аккомпанировать известному скрипачу, что этот скрипач больше уже к нам не заходил и вряд ли когда-нибудь зайдет.

Я уже не говорю о тех неприятностях, которые он причинял прислуге. И даже, кажется, потихоньку его били в кухне за это.

Сегодня утром я предложил ему хлеба с маслом; но он осторожно и, видимо, только из вежливости слизал одно масло, и опять улегся у меня в ногах, и глядел на меня грустными, вопрошающими глазами.

Я хорошо знаю, что ему исполняется теперь год, и, стало быть, время собаке гулять, но я так же твердо знаю и то, что в этом бедном животном проснулось сознание и что животное от этого несчастно.

Неутомимо, вежливо, настойчиво тянет он меня выйти вместе с ним на улицу и непременно сесть на извозчика и поехать, а он в это время будет бежать ря-

дом с экипажем и лаять на колесо, которое вертится! Потом он забежит вперед и будет прыгать с лаем на лошадиную морду. В это время он говорит ей:

— Пожалуйста, остановись, дай мне обдумать, почему колесо вертится, я не могу этого понять, я хочу это понять!

Но это не трогает лошадь; в ней еще живы большие животные инстинкты, которыми мы, люди, пользуемся так равнодушно, то есть пользуемся ее силой, памятью местности, очень большой нервностью, красотой ее форм, ее глупостью, ее неприхотливым питанием.

Она бежит под кнутом в слепом ужасе и думает об овсе.

И вот бедный черный пудель опять возвращается ко мне, вспрыгивая на пролетку, садится рядом со мной и плачет:

— Объясни же мне, ты, умный, непостижимый для меня волшебник, ты, который умеешь делать чудеса, зажигать огонь, которому так легко достается пища, взгляда которого я не могу перенести, — объясни мне: отчего колесо вертится? Зачем я существую на этом свете? Почему так непреодолимо я привязан к тебе, и не лучше ли было бы мне бегать исхудалым и злым волком в лесной трущобе, спать под корнями дерева и с наслаждением лакать кровь зайца, которому я перекусил горло? Милая, добрая, бедная собачка, друг мой!.. В том-то и дело, что и мне живется не лучше, чем тебе. В том-то и дело, что и я целую край усыпанной звездами ризы бога и спрашиваю его в тоске и мучениях:

— Что такое время? Что такое движение? Зачем я так бессмысленно и мало живу? И отчего каждый шаг моей жизни отравлен страданием? Даже иногда и сладким страданием? Милый мой, добрый пес, нам на это никто не даст ответа.

И может быть, он сам теперь плачет где-нибудь, обливаясь слезами, томясь от ужаса и боли и от того, что в нем проснулось сознание.

А может быть, все это до такой степени просто, что мы с тобой, с нашими мучениями, смешны? Может быть, сидит где-нибудь этакий хитрец и отлично знает, что все дело заключается в изящной, простой и очень несложной алгебраической формуле?

Сидит и знает, но из проказливости не расскажет нам с тобой, милый, черный песик Негодяй.

Никогда не расскажет!

В КРЫМУ (МЕДЖИД)

I

На краю пригородной деревни Аутки, там, где светлый горный ручеек, заключенный в свинцовую трубку, льется целый день серебряной переливчатой дугой и сладко плещется в каменном столетнем водоеме, под прохладной тенью столетнего ореха, там молодой ялтинский проводник Меджид моет по утрам трех лошадей: двух собственных серых жеребцов — Красавчика и Букета, и старого вороного коня, взятого им напрокат, на сезонное время, из гор. Накануне Меджид с другим проводником Асаном провожал большую кавалькаду на хребет Яйлы. Вернулся он домой далеко за полночь, и когда вываживал мокрых, холодных от пота лошадей по тихой и звучной улице, голубой в месячном свете, то шатался от сна и усталости. Не раздеваясь, лег он на ковре в кунацкой и, как ему показалось, только на секунду закрыл глаза, а когда открыл их, то был уже синий и золотой день, сверкавший зелеными улыбками.

Татарская девушка мыла белье в прозрачной луже, в которую по наружным стенкам стекала вода из переполненного бассейна. Положив на дощечку разноцветные тряпки, она с бессознательной грацией переступала по ним босыми маленькими ступнями, и в такт с движениями ее гибкого тонкого тела покачивались у нее на спине две жесткие черные косы, падавшие

вниз из-под круглой бархатной шапочки, расшитой золотыми блестками. Теневые пятна и солнечные кружки тихо скользили взад и вперед, вкось, по ее бледно-смуглому лицу с прекрасными детскими глазами, а длинное темное платье, слегка зажатое между коленями, лучилось кверху красивыми складками. Обменявшись с Меджидом быстрым «селямом», она тотчас же уступила ему и его лошади место у фонтана: мужской труд — священное дело.

Светло-серый, почти белый, пожилой Красавчик с особенным удовольствием спокойно мочил в прохладной воде лужицы свои высокие, стаканчиками, копыта, натруженные вчера мелким камнем горячего шоссе. Нагнув вниз шею и вытянув вперед нежную белую голову с черными, ласково суженными глазами, он тянулся голым розовым храпом к воде и коротко взмахивал хвостом каждый раз, когда Меджид оплескивал его из ведра; серый, видный, в темных яблоках на крупе, пятилетний Букет играл на месте, разбрызгивая вокруг себя воду, отчего Меджид притворно грубо бранился и рукавом куртки вытирал брызги со своего лица. На вороного коня Меджид мало тратил забот: это была настоящая неприхотливая горная лошадка с железными ногами, привыкшая с грузом угля или дров по обеим сторонам седла спускаться с Яйлы и подыматься вверх по тропинкам, почти недоступным для средней руки пешеходов. Меджид только облил его два-три раза водою и звонко шлепнул по узкому, высокому, костистому, заблестевшему задку. И вороной вслед за двумя другими лошадьми, не торопясь, солид-